

Глава 31

Это Бо Юй... плача, звал его...

Блокнот и ручка, выскользнув из онемевших от потрясения пальцев, упали к ногам Шэнь Гужо.

Он поспешил обратно в кабинет, случайно наступив на уголок блокнота.

Но ему было не до того, чтобы нагибаться и поднимать его.

Сердце Шэнь Гужо бешено заколотилось, словно предчувствуя нечто ужасное, и инстинкт гнал его как можно быстрее ворваться в кабинет.

Однако, переступив порог, он замер. Взгляд его приковало алое пятно на эркерном окне, ослепившее его.

Шэнь Гужо застыл на месте, ошеломлённо глядя на окно.

Он отсутствовал меньше минуты, но казалось, прошла целая вечность.

За это время всё изменилось до неузнаваемости.

Чистое белое одеяло на эркере и светлые шторы, которые он помнил, теперь были испещрены бесчисленными кровавыми разводами.

Незастывшая кровь стекала вниз полосами, создавая картину, пугающе похожую на место преступления.

Но когда взгляд Шэнь Гужо сфокусировался ниже, всё это померкло по сравнению с наручниками на ручке окна, впившимися в запястье Бо Юя. Свежая кровь непрерывно текла из раны, стекая по руке.

Зрелище было душераздирающим.

Шэнь Гужо с трудом восстановил дыхание, не мигая глядя на окно, его грудь едва заметно вздымалась.

Он растерянно сжал край своей одежды, и его тело качнулось в такт капающей вдалеке крови.

Внезапно его лицо побелело, и он наконец осознал, что произошло.

Губы его были плотно сжаты добела. Обилие красного цвета вызвало у него головокружение.

Всего за одно мгновение, войдя в комнату, Шэнь Гужо стал свидетелем того, как Бо Юй отчаянно дёргал рукой в кандалах.

Металлические кольца с лязгом ударились друг о друга, смешиваясь с пронзительным скрежетом, когда наручники царапали оконное стекло. В тот же миг хлынула кровь.

Как много крови...

Ноги Шэнь Гужо стали ватными, и он инстинктивно прижал руку ко лбу.

Бо Юй истекает кровью...

Как это могло случиться...

Он никогда не видел, чтобы человек терял столько крови, и не мог даже представить, к каким последствиям это приведёт.

Чувство вины начало подниматься из глубины души Шэнь Гужо, сжимая сердце.

Он резко очнулся и бросился к окну, так же, как и раньше, на коленях подползая к Бо Юю.

Забыв обо всём, он в смятении поднял голову и протянул руки, пытаясь зажать рану.

Но чем больше он пытался, тем сильнее текла кровь.

Он не мог понять, где именно рана, казалось, она была повсюду.

От одного лёгкого прикосновения его ладони тут же окрасились горячей кровью. Это было похоже на то, будто на него самого надели оковы, а удушающий запах крови не давал дышать.

Если бы он не пошёл в гостиную за этим дурацким блокнотом, возможно, он бы вовремя заметил неладное состояние Бо Юя.

А не сейчас... всё из-за него.

Ведь у него уже был опыт, он знал, что Бо Юй в состоянии тактильного голода склонен к самоповреждению...

Знал, что эти наручники, как бы он ни старался, невозможно сломать силой человеческого тела.

— Бо Юй, Бо Юй, — Шэнь Гужо даже не осознавал, что его голос дрожит, пока не заговорил. — У тебя кровь на руке, пожалуйста, не дёргайся.

Друзья всегда говорили, что у Шэнь Гужо самые стабильные эмоции из всех, кого они знали.

Его друг-врач тоже говорил, что его способность к восприятию эмоций, возможно, слабее, чем у других.

Поэтому в любых ситуациях, радостных или грустных, он всегда выглядел спокойным.

Только сегодня Шэнь Гужо понял, что дело не в том, что у него нет эмоций, которые есть у других.

А в том, что до этого момента всё, с чем он сталкивался, было мелочью.

Когда случается что-то действительно серьёзное, он тоже теряет, становится растерянным и неуклюжим с головы до ног.

Голова налилась свинцом, и ему требовалось много времени, чтобы сообразить, что делать дальше.

И вот, его слова были произнесены.

Когда Шэнь Гужо заметил, что Бо Юй, словно в кошмаре, совершенно не слышит его и, наоборот, почувствовав его прикосновение, начал дёргаться ещё сильнее.

Треть руки парня почти выскользнула из оков, сдавленная металлическим кольцом до деформации, словно кости ладони были сломаны.

В этот момент заторможенный мозг Шэнь Гужо наконец-то начал работать.

Сохраняя остатки самообладания, он попытался схватить Бо Юя за дёргающуюся руку и, наклонившись, спросил:

— Бо Юй, ключ, где ключ от наручников?

Как он мог забыть о такой важной вещи.

Не спросил у Бо Юя, где ключ, перед началом терапии.

Голова парня была повёрнута к окну, и тень от шторы скрывала его лицо, не давая разглядеть выражение.

Из его рта вырывались неясные звуки и прерывистое, почти удушливое дыхание.

Шэнь Гужо пришлось отпустить одну руку и, осторожно взяв Бо Юя за подбородок, мягко повернуть его к себе, пытаясь привести в чувство:

— Бо Юй, Бо Юй, очнись.

Именно тогда он разглядел его лицо.

Бледное, как бумага, с мокрыми дорожками слёз.

Влажность, просочившаяся из-под чёрной повязки, сделала её цвет ещё темнее.

Слёзы смешались с кровью, и эта смесь застыла на подбородке Бо Юя.

Шэнь Гужо боялся, что даже лёгкое прикосновение причинит ему боль.

Человек перед ним словно искупался в крови. Кровь была повсюду, куда ни глянь.

Тёмная обстановка тоже влияет на эмоции.

Шэнь Гужо пришлось отпустить и вторую руку, чтобы сорвать с глаз Бо Юя повязку.

В следующую секунду он встретился взглядом с чёрными глазами, полными слёз. Пустыми и тусклыми, они были испещрены красными прожилками, а уголки глаз покраснели так, словно их сильно тёрли.

Под влажными глазами застыл глубокий ужас.

Дыхание Шэнь Гужо замерло. Он понял, что это отличается от того, что говорил Сяо Сюй.

Это было не просто беспокойство, вызванное тактильным голодом.

Его прикосновение заставило ужас в глазах Бо Юя застыть.

В этот момент тот внезапно перестал дёргаться, его тело обмякло, словно марионетка, у которой перерезали нити, словно его душа покинула оболочку.

Скорее, это было похоже на страх, вызванный чем-то, что загнало его в угол.

Однако у Шэнь Гужо не было времени на раздумья, и сочувствие не успело возникнуть.

В его голове была только одна мысль: рука Бо Юя всё ещё кровоточит, и нужно срочно найти ключ от наручников.

Шэнь Гужо повернул голову и начал осматривать кабинет, не упуская ни одного уголка.

Бо Юй готовился здесь, так что ключ, скорее всего, где-то рядом.

В тёмный подвал, неизвестно когда, пробился ослепительный луч света.

Глаза, давно не видевшие света, отреагировали новой волной слёз, которые нестерпимо хлынули из покрасневших и болящих уголков.

Размытое зрение частично прояснилось.

Бо Юй, открыв глаза, с трудом мог поднять веки. Силуэт молодого человека, стоящего против света, постепенно появился в его поле зрения.

Реальность и воспоминания всё ещё упорно терзали его нервы.

Тактильный голод и страх вдвоём тянули его в водоворот мучительных страданий.

Тактильный голод внезапно ослабил свои оковы.

Чьи-то руки держали его лицо, тёплые и мягкие ладони прижимались к его коже.

Они не душили его, не били палками.

Среди запаха крови Бо Юй уловил знакомый аромат и в этой ледяной атмосфере ощутил чужое тепло.

Слёзы снова беззвучно скатились из уголков глаз Бо Юя.

Кричащая потребность в тактильном контакте, жадная, отчаянная, не знающая преград, оттолкнула страх в сторону, желая впитать ещё больше прикосновений.

Слёзы падали, и туман перед глазами рассеивался. Бо Юй наконец-то отчётливо увидел человека перед собой.

Он инстинктивно дёрнул запястьем, но двигаться могли только его тело, голова и ноги.

Ноги постепенно сжались, прижимаясь к бокам молодого человека, и из него вырвался страдальческий вздох.

Тело с трудом подалось вперёд, глаза, сухие и воспалённые, не смели отвести взгляд от молодого человека.

Бо Юй, оказавшись в тени под ним, с лицом, мокрым от слёз, из последних сил прислонился головой к нему.

Руки Шэнь Гужо опустели, и в его грудь внезапно уткнулась голова.

Не успев обернуться, он инстинктивно обнял голову Бо Юя.

Воспоминания оборвались, достигнув своего пика. Потребность в тактильном контакте заставила все обиды, беспокойство и невысказанную боль Бо Юя вырваться наружу.

В тот момент, когда появился тот, кого он так хотел видеть, горе оказалось таким простым.

Бо Юй мёртвой хваткой вцепился в губу, подавляя рвущийся наружу звук. Его плечи беззвучно затряслись, а спина задрожала.

Он был похож на брошенного ребёнка. Уткнувшись в грудь молодого человека, он сдавленно, хрипло и тихо прошептал:

— Учитель Шэнь... Учитель Шэнь, мне так больно.

— Отпусти меня... отпусти, пожалуйста...

Ладонь Шэнь Гужо ощутила холодный пот на теле Бо Юя, но одежда на его груди была пропитана горячими слезами, от которых даже ему стало тяжело на душе.

Он больше всего боялся чужих слёз.

Каждый раз, когда брат плакал у него на руках, он становился таким неуклюжим, и слова застревали в горле.

Шэнь Гужо мог лишь неловко похлопывать Бо Юя по затылку, утешая:

— Бо Юй, не плачь, не плачь.

Он думал, что Бо Юй говорит о боли в руке.

Он уже заметил ключ от наручников на столе и, опомнившись, собирался отпустить Бо Юя, чтобы взять ключ и открыть замок.

Но как только Шэнь Гужо сделал движение, чтобы отодвинуться, Бо Юй мгновенно отреагировал.

Утихающий тактильный голод, вырвавший его из удущья морских глубин, снова был утащен страхом в бездонную пропасть.

Бо Юй, следуя за его движением, подался вперёд, и в его голосе зазвучали уже не скрываемые рыдания:

— Учитель Шэнь... Учитель Шэнь, не уходи... не уходи...

Шэнь Гужо никогда не представлял, что такой сдержанный человек, как Бо Юй, будет так рыдать перед ним.

Несдерживаемые рыдания, истерика, вызванная паникой, и слёзы, хлынувшие, как прорвавшаяся плотина, непрерывно падали на его одежду.

Даже у Шэнь Гужо от его плача сжалось в груди. Он снова поспешно обнял Бо Юя за плечи:

— Бо Юй, успокойся, я не уйду, не плачь, не плачь.

Бо Юй, рыдая, прижался к Шэнь Гужо.

Его руки были скованы, и он был бессилён даже удержать его, мог лишь умолять словами.

К счастью, стол был недалеко от окна, и Шэнь Гужо смог дотянуться до ключа одной рукой.

Учитывая эмоциональное состояние Бо Юя, он с трудом дотянулся пальцами до ключа, подтянул его ближе и схватил.

Не мешкая, он придержал Бо Юя за затылок, выпрямился и попытался открыть замок.

Кровь, текущая по его пальцам, была такой горячей, что ему удалось вставить ключ в замочную скважину только с нескольких попыток.

— Щёлк, — наручники наконец-то открылись.

Окровавленное запястье, не дожидаясь, пока Шэнь Гужо его освободит, само безвольно опустилось.

Оковы исчезли, и почти онемевшие руки Бо Юя всё равно без колебаний крепко обвили его талию.

Руки оставили на его одежде круг ужасающих кровавых следов.

Шэнь Гужо слегка потерял равновесие и наклонился вперёд, но успел опереться руками об окно.

Наклонившись, он увидел, что Бо Юй, дрожа всем телом, обнимает его. Используя силу толчка, он уткнулся лицом в его грудь.

Словно хотел слиться с ним, стать единым целым.

Парень снова беззвучно заплакал, его плечи сильно дрожали.

Лишь когда он заговорил, стали слышны сдерживаемые рыдания. И только крепко обняв его, он осмелился, уткнувшись лицом, выговорить:

— Учитель Шэнь... я больше не буду проходить антисенсбилизирующую терапию, не буду.

Шэнь Гужо не обратил внимания на боль в талии от сильного объятия и крепко удержался на месте.

Затем, глубоко вздохнув, он, моргая влажными глазами.

Подражая тому, как он раньше утешал брата, он одной рукой стал легонько похлопывать Бо Юя по спине, а другой — гладить по затылку.

Его голос невольно окрасился грустью:

— Хорошо, мы не будем больше проводить антисенсибилизирующую терапию. Если ты не хочешь, мы не будем. Бо Юй, не плачь.

Но сейчас главным было то, что рука Бо Юя всё ещё кровоточила.

Шэнь Гужо помнил об этом и, опустив глаза, проследил взглядом по руке Бо Юя.

Увидев, что хлынувшая кровь уже пропитала его одежду на спине, он на мгновение растерялся.

При виде свежей крови самообладание, казалось, всегда давало трещину.

В глазах Шэнь Гужо промелькнула паника.

— Бо Юй, отпусти меня, дай я посмотрю на твою рану.

Но Бо Юй, услышав это, не только не отпустил, но и обнял его ещё крепче.

Он схватился за одежду на спине молодого человека, позволяя крови течь, и, уткнувшись лицом, упрямо покачал головой:

— Не отпущу... отпустишь, и ты уйдёшь.

Бо Юй был в полном сознании.

Но страх терзал его, сводя с ума.

Он до смерти боялся, что человек перед ним исчезнет, оставив его одного в этом грязном подвале.

Когда его руки были скованы, он не мог его удержать. Теперь, когда он обнимал его, он не отпустит, даже если истечёт кровью.

— Я не уйду, — тихо уговаривал Шэнь Гужо, глядя на текущую кровь. Его глазам стало больно.
— Бо Юй, у тебя идёт кровь, если так будет продолжаться, случится беда.

Парень, даже задыхаясь от слёз, не соглашался:

— ...Не отпущу.

Кожу обожгло прикосновение свежей крови. Шэнь Гужо не мог выносить это ощущение утекающей чужой жизни.

Он убрал руку с затылка Бо Юя, положил ладонь на его плечо и серьёзно сказал:

— Бо Юй, послушай меня.

— Если боишься, что я уйду, можешь отпустить одну руку, а другую оставить.

Шэнь Гужо пытался договориться.

Но Бо Юй, кроме всхлипываний и дрожи, не делал никаких движений, чтобы отпустить его.

Ему пришлось самому попытаться отцепить его руки.

К удивлению, тот, казалось, услышал его. Ему не пришлось прилагать больших усилий, чтобы освободить одну руку.

Однако в следующую секунду другая рука, словно боясь, что он сбежит, обвила его с удвоенной силой.

В то же время он почувствовал, что кровь потекла сильнее.

Веки Шэнь Гужо нервно дёрнулись. Чтобы не терять времени, он быстро осмотрел освобождённую руку.

Используя свои скудные знания, он попытался определить, не задеты ли артерии на запястье.

Убедившись, что пульс не повреждён, Шэнь Гужо выдохнул с облегчением.

Но на руке и запястье было так много ран, глубоких и не очень, скрытых под кровью.

Он совершенно не мог разобрать, артериальное это кровотечение или венозное.

Шэнь Гужо быстро взглянул на коробку с салфетками на столе и с трудом дотянулся до неё.

Затем, вытащив несколько штук, он прижал их к ране Бо Юя.

Воспользовавшись моментом, когда Бо Юй перекидывал руки, он с трудом повернулся на половину.

Шэнь Гужо прижал руки к обеим рукам Бо Юя:

— Бо Юй, нам нужно в больницу.

— Не пойду... — Бо Юй, выплеснув часть эмоций, уже больше полагался на телесный контакт, чем на страх. Его плач стал не таким сильным. — Учитель Шэнь... не пойду.

Хотя он и знал, что человек в его объятиях болен.

Но в какой-то момент Шэнь Гужо показалось, что Бо Юй ведёт себя как непослушный ребёнок.

Он не очень умел справляться с такими детьми и мог лишь сухо уговаривать:

— Бо Юй, послушай, у тебя идёт кровь. Если так будет продолжаться, случится беда. Нам нужно в больницу, чтобы обработать раны.

В ответ на его слова последовали лишь ещё более крепкие объятия.

Парень даже уткнулся лицом в его грудь, словно упрекая в жестокости, и снова заплакал навзрыд.

Шэнь Гужо ничего не мог поделать с человеком в его объятиях и глубоко вздохнул.

Оказывается, когда парни капризничают, они ничем не отличаются от его брата.

Шэнь Гужо перестал уговаривать и сначала сменил пропитанные кровью салфетки на одной руке Бо Юя на новую пачку.

Затем, взяв чёрную повязку, которую он ранее отбросил, он перевязал ею другую руку Бо Юя выше раны, чтобы оказать экстренную помощь.

После этого, оставив одну руку прижимать салфетки, он полез в карман за телефоном.

Шэнь Гужо был рад, что у него с собой был телефон.

Иначе, если бы они так и продолжали обниматься, он был бы ограничен в действиях, и Бо Юй мог бы просто истечь кровью до смерти.

Это было бы слишком ужасно...

Шэнь Гужо сначала нашёл контакт своего друга-врача, сфотографировал рану Бо Юя и быстро отправил ему, спрашивая, насколько всё серьёзно и нужно ли ехать в больницу.

Пока ждал ответа, он не сидел без дела.

А позвонил Фан Чжэнъяну.

Одновременно с тем, как он набрал номер, на экране появилось сообщение от друга-врача.

Из телефона раздался голос Фан Чжэнъяна:

— Алло? Старший брат Шэнь, зачем так поздно звонишь?

Шэнь Гужо, прочитав сообщение от друга-врача, ответил в трубку:

— Фан Чжэнъян, мне нужно, чтобы ты приехал к Бо Юю.

Он на удивление быстро и чётко изложил ситуацию.

— У нас с Бо Юем во время терапии кое-что случилось. Я не могу открыть тебе дверь, тебе нужно будет придумать, как войти самому.

— И привези с собой семейного врача, попроси его взять с собой всё для наложения швов.

— Быстрее, — в конце подчеркнул Шэнь Гужо.

Фан Чжэнъян был ошарашен, но не смел медлить.

Он не стал задавать лишних вопросов. Если обычно такой медлительный молодой человек говорит с такой скоростью, значит, случилось что-то действительно серьёзное.

— Хорошо, хорошо, старший брат Шэнь, не волнуйся, я сейчас же привезу семейного врача, — с тревогой в голосе ответил Фан Чжэнъян.

Пока он говорил, в его голове проносились всевозможные ужасные сценарии.

Он покрылся холодным потом.

У Фан Чжэнъяна был пароль и отпечаток пальца от дома Бо Юя.

Пока он с семейным врачом не ворвался в дом Бо Юя, он задним числом понял, что холодный пот был не напрасен.

Это было похоже на сцену из фильма ужасов.

Молодой человек на эркерном окне сидел боком в объятиях его лучшего друга и спокойно смотрел на него. Вокруг были засохшие, побуревшие пятна крови.

Оба они были в крови.

Свежей, старой, это было ужасающее зрелище.

А за их спинами — окровавленные наручники.

Увидев это, Фан Чжэнъян схватился за голову и чуть не упал в обморок. Дрожащей рукой он махнул семейному врачу:

— Быстрее, быстрее, спасайте.

Семейный врач был человеком бывалым.

Он чётко нацелился на руку парня, обнимавшую молодого человека за талию.

К сожалению, пациент оказался не очень послушным.

Шэнь Гужо, не удивившись, опустил голову, посмотрел на руку Бо Юя, увернувшуюся от врача, и, схватив её, протянул доктору:

— Я помогу вам поддержать.

Семейный врач благодарно взглянул на отзывчивого молодого человека.

Фан Чжэнъян, прижимая руку к сердцу, подошёл ближе, посмотрел на Шэнь Гужо и указал на кандалы на ручке окна:

— Это он сам себе устроил?

Шэнь Гужо не кивнул и не покачал головой, а молча ждал, пока семейный врач наложит швы Бо Юю.

Парень, который до этого уткнулся лицом в его грудь, теперь спрятал лицо в изгибе его шеи.

Когда Фан Чжэнъян появился в дверях.

Бо Юй, который до этого плакал у него на груди и которого он утешал, внезапно успокоился и просто тихо прижался к нему.

Если бы не мокрое пятно на плече.

Если бы не то, что секунду назад он плакал.

Шэнь Гужо не догадался бы, что Бо Юй, возможно, не хотел, чтобы Фан Чжэнъян и посторонние видели его слёзы.

Он свободной рукой нежно погладил Бо Юя по затылку, а затем взглядом попросил Фан Чжэнъяна помолчать.

Фан Чжэнъян тут же застегнул себе рот на молнию.

Затем, покрутившись на месте, он упёр руки в бока и со сложным выражением лица посмотрел на них.

Не нужно было и спрашивать, было ясно, что это дело рук его лучшего друга.

Глядя, как семейный врач зашивает руку его друга, он, прижимая руку к точке между бровями, судорожно вдыхал.

Говорил же, что антисенсibiliзирующая терапия не поможет, не поможет!

Вот и случилось!

Он не видел, плакал ли тот, кого он пытался «вылечить», но сам он сейчас был готов расплакаться от злости!

К счастью, семейный врач зашил только одну руку Бо Юя, а другую просто обработал.

В кабинете воцарилась тишина. Неизвестно, сколько прошло времени.

Семейный врач, собрав свой саквояж, взглянул на пациента, который так и не поднял головы, и решил обратиться к молодому человеку рядом с ним, чтобы дать инструкции.

Шэнь Гужо запомнил всё до единого слова:

— Я запомнил, спасибо вам.

По дороге Фан Чжэнъян уже рассказал семейному врачу о случае Бо Юя, на всякий случай.

Поэтому при обработке ран врач старался избегать лишних прикосновений.

Из чувства профессионального долга он также дал рекомендации по поводу состояния после тактильного голода.

— Ваш друг сейчас очень сильно от вас зависит.

— Пока он не поправится, вам лучше быть с ним наедине.

— Чтобы посторонние не влияли на его эмоции и не вызывали повторный стресс.

— Его эмоциональное состояние сейчас нестабильно, его нельзя больше подвергать сильным потрясениям.

— Постарайтесь дать ему как можно больше чувства безопасности.

Шэнь Гужо кивнул.

— Хорошо.

Семейный врач встал, посмотрел на наручники на ручке окна и со сложным выражением лица сказал:

— Если это для лечения, то лучше не использовать слишком экстремальные методы, это может плохо кончиться.

То первоначальное чувство вины всё ещё терзало душу Шэнь Гужо.

Услышав это, он опустил голову, осознав свою ошибку, и тихо ответил:

— Мы больше так не будем.

Фан Чжэнъян чуть не ударил своего друга.

Сам натворил дел, а заставляет извиняться старшего брата Шэня!

Куда делась вся твоя обычная крутость!

Фан Чжэнъян заставил себя успокоиться и сначала проводил врача.

Вернувшись в кабинет, он занёс кулак над головой Бо Юя, но под недоуменным взглядом молодого человека опустил руку и выдавил из себя:

— Так тебе и надо!

Затем он обессиленно опустился на колени перед молодым человеком.

— Старший брат Шэнь, прости, — он провёл рукой по лицу. — Я извиняюсь за старину Юя. Это всё он со своей антисенсбилизирующей терапией, вот и доигрался.

Шэнь Гужо покачал головой.

— Это я за ним не уследил.

Фан Чжэнъян вздохнул.

— Не будем сейчас разбираться, кто виноват. Если уж на то пошло, то и моя вина в этом есть.

— О делах поговорим завтра, а пока послушаем врача.

— Хорошо.

Фан Чжэнъян поднял голову и украдкой взглянул на Бо Юя, который так и не пошевелился.

Он решил, что его лучший друг сегодня и так натерпелся — и от терапии, и от кровопотери, — так что вся его живость иссякла.

Он с тревогой сказал:

— Старший брат Шэнь, как сказал врач, сегодня вечером... тебе и старине Юю лучше побыть наедине.

Шэнь Гужо знал, к чему он клонит.

— Даже если бы ты не сказал, я бы так и сделал. Мы друзья, и у нас есть соглашение. Я останусь с Бо Юем, пока он не поправится.

— Хорошо, хорошо, — если бы Фан Чжэнъян мог сейчас плакать, он бы устроил перед молодым человеком настоящее представление от переполнявших его чувств. — Старший брат Шэнь, если что-то понадобится, я всегда на связи.

— Позвони мне, и я примчусь даже среди ночи.

— Не волнуйся, — успокоил его Шэнь Гужо.

Фан Чжэнъян встал и, наклонившись так, чтобы его глаза были на одном уровне с глазами молодого человека, сказал:

— Ну ладно, старший брат Шэнь, я тогда пойду, оставляю вас со стариной Юем наедине.

Шэнь Гужо тихо кивнул.

Фан Чжэнъян ушёл, трижды обернувшись.

Услышав, как за ним закрылась дверь, Шэнь Гужо пошевелил затекшей рукой и устроился поудобнее в объятиях Бо Юя.

Только после того, как Фан Чжэнъян и семейный врач окончательно ушли, Бо Юй подал признаки жизни, крепче обняв молодого человека за талию.

Шэнь Гужо замер и тут же посмотрел на перевязанную руку Бо Юя.

— Бо Юй, не двигайся, рука только что обработана, нельзя её беспокоить.

На этот раз Бо Юй послушался. Обняв его, он больше не двигался.

— ...Угу.

Шэнь Гужо почувствовал, что его эмоциональное состояние, кажется, стало немного

стабильнее.

Он вдруг понял, что на его теле больше нет влаги.

Неизвестно, плакал ли ещё Бо Юй.

Он сидел боком в объятиях Бо Юя и мягко спросил:

— Бо Юй, тебе лучше?

— Угу.

— Всё ещё плохо?

— Угу.

Шэнь Гужо поджал губы. Противоречивые ответы. Так лучше или нет?

Но он не стал долго раздумывать.

— Ничего страшного, не торопись.

— У нас много времени, я буду с тобой, ты можешь восстанавливаться постепенно.

Бо Юй беззвучно обнял его ещё немного крепче, но так, чтобы не причинить боли.

Шэнь Гужо почти полностью прижался к телу Бо Юя.

Он поднял руку, слегка наклонил голову, подбородком коснулся волос парня, и кончиками пальцев коснулся его щеки.

— Тебе было очень плохо?

...Он плакал так долго.

Бо Юй не ответил, лишь уткнулся лбом в изгиб шеи молодого человека.

Вернув себе обычное самообладание, Шэнь Гужо спокойно рассказал о своих чувствах, когда увидел кровь Бо Юя:

— Бо Юй, ты тогда так сильно истекал кровью, я испугался.

Разговор Фан Чжэнъяна и молодого человека на самом деле дошёл до ушей Бо Юя.

Теперь, услышав его слова, чувство вины грозило затопить его в одно мгновение.

Тихое «угу», которое молодой человек произнёс в ответ врачу, едва не пригвоздило его к месту.

В тот момент он долго не мог найти свой голос.

Бо Юй ненавидел своё беспомощное тело.

— ...Прости, я не хотел тебя пугать.

Шэнь Гужо протянул руку за спину Бо Юя и легонько похлопал его, ему не нужны были извинения.

— Бо Юй, мы друзья, — сказал он, задавая тон.

Дыхание Бо Юя стало прерывистым.

— Угу.

Шэнь Гужо подумал, что тот снова заплачет, и замер.

— Не плачь, Бо Юй, не плачь.

Бо Юй сдавленно прохрипел:

— Не бойся, я не плачу.

Шэнь Гужо действительно боялся, что тот снова заплачет. Он медленно моргнул и, коснувшись уголка глаза Бо Юя, сказал:

— Я хотел сказать...

— Мы друзья, я не считаю тебя обузой и не против, если ты будешь меня беспокоить.

Его голос был мягким и в тишине кабинета звучал особенно отчётливо, а из-за близкого расстояния отдавался в ушах Бо Юя.

Каждый раз, начиная говорить, он нежно произносил его имя.

— Бо Юй, — голос Шэнь Гужо был полон утешения, — если ты не хочешь проходить антисенсibiliзирующую терапию, давай перейдём на консервативное лечение.

Щека Бо Юя инстинктивно потёрлась о мягкие пальцы молодого человека.

Он не хотел больше проходить десенсибилизирующую терапию.

Воспоминания, укоренившиеся в его теле, переплетаясь с муками тактильного голода, полностью окутали его страхом, это было хуже смерти.

Но он никогда не смел и мечтать, что человек в его объятиях согласится на консервативное лечение.

Каждое слово, произнесённое им, казалось, сжимало его сердце, и выступившая горечь заставляла его задыхаться.

Шэнь Гужо, опустив глаза, продолжил:

— Бо Юй, я не оттолкну тебя и не собирался тебя бить.

С того самого момента, как он ударил Бо Юя по щеке, он хотел сказать это.

— И не нужно передо мной извиняться.

Он знал, что у Бо Юя есть привычка причинять себе боль, чтобы облегчить тактильный голод.

Фан Чжэнъян тоже говорил, что тот прибегает к крайним мерам, чтобы контролировать своё состояние.

Шэнь Гужо не испытывал на себе мук тактильного голода, поэтому не имел права с позиции наблюдателя осуждать Бо Юя.

Но сегодня... он действительно был сильно напуган.

Пальцы Шэнь Гужо, лежавшие на щеке Бо Юя, были лёгкими, и его голос был таким же

лёгким, как пёрышко:

— Бо Юй, когда тебе станет невмоготу, просто обними меня.

— Больше не... причиняй себе вреда, хорошо?

Бо Юй, слегка приподняв лицо, прижатое к его пальцам, посмотрел на него. Его чёрные глаза, которые наконец-то перестали быть влажными, неконтролируемо снова покраснели.

Спустя долгое время он услышал свой собственный хриплый голос, словно доведённый до предела отчаяния.

Слабый до такой степени, что он смог ответить молодому человеку лишь одно слово.

— ...Хорошо.

<http://bllate.org/book/13661/1587499>